

Наталья Вершинина

«Рижский текст» в путевом очерке Ф.В. Булгарина «Поездка из Лифляндии в Самогитию, через Курляндию, летом 1829 года (письмо к Гречу)»

В статье рассматривается специфика «рижского текста» в малоисследованном сочинении Ф.В. Булгарина «Поездка из Лифляндии в Самогитию, через Курляндию, летом 1829 года (Письмо к Гречу)». Анализируется своеобразие «путевых заметок» писателя как многофункционального жанрово-стилевого образования. Делается вывод о наличии «механизма» (В. Топоров), способствующего выделению в «путешествии» Булгарина «рижского текста». На структурно-семантическом уровне в нем реализуется мысль писателя о благотворном воздействии просвещения на духовную и материальную стороны жизни «балтийской столицы».

Ключевые слова: Рига, «рижский текст», «литературное путешествие», читатель, культура повседневности, жанровая традиция

«Поездка из Лифляндии в Самогитию, чрез Курляндию, летом 1829 года (Письмо к Гречу)» Фаддея Булгарина, напечатанная в четырех номерах газеты «Северная пчела» за 1829 год, до сих пор принадлежит к числу малоисследованных. Представляется, что основанием может быть не только негативный отпечаток, который несет на себе репутация Булгарина, – можно предположить, что причиной является и собственно литературный показатель: жанрово-стилевая «неопределенность» его «путешествий», их выпадение из принятой литературоведением типологии. Исследователи этой формы, в том числе и позднейшие: В.А. Михайлов (Михайлов 1999), И.В. Банах (Банах 2004), Н.Ф. Иванова (Иванова 2010) – могли испытывать затруднения относительно присоединения путевых заметок Булгарина к двум известным разновидностям: географическому, «объективному», «реальному путешествию» либо к «путешествию воображения», «стерновской» ветви жанра, где «настоящего описания путешествия, в сущности, нет» (Робоби 1926: 48). И то и другое, по меркам традиционных литературоведческих классификаций, предполагает элемент эстетизации, имеющий хоть и разный культурный генезис, но одинаково значимый в плане подхода к произведениям с позиций стилистики и поэтики.

Что касается путевых заметок Булгарина, то они словно бы демонстрирует отторжение от каких-либо требований эстетики. Термин «гибридный» по отношению к данному жанру реализуется автором буквально

(можно предположить, не без оглядки на Н.М. Карамзина – автора «Писем русского путешественника») – как смешение разнородных стилевых и интонационных планов, описаний увиденного воочию и почерпнутого из книжных источников, статистических и историко-экономических сведений и пространных авторских отступлений, создающих «иллюзию <...> интимности» (Робоби 1926: 44).

Изучение структуры «литературных путешествий» Булгарина свидетельствует об устойчивой устремленности автора не в сторону эстетики, а в область литературного быта. Очевидно, Булгарин ценил в «путешествиях», прежде всего, их коммуникативную, посредническую функцию. Это означало, что он, с одной стороны, приподымал публику над привычной обыденностью, а, с другой – давал понять, что сознает условность расстояния между собой и ею и всегда готов вступить во внелитературные отношения, касающиеся проблем существенных: материальных, политических, моральных и ряда других.

В собственной классификации Булгарина путешествия входили в область литературы – об этом свидетельствует его письмо А.Ф. Орлову от 13 апреля 1845 г.: «До сих пор написано мною и издано в свет, по части словесности: 16-ть томов романов, 18 томов повестей, статей о нравах, биографий, разных исторических отрывков и путешествий, один том путешествия в Швецию <...>» (Видок Фиглярин 1998: 472). При этом писатель легко переводил «путешествие» во внелитературный контекст, о чем свидетельствуют его «записки» в III отделение.

Так, в агентурной записке, скопированной управляющим III отделением М.Я. Фоком, условно озаглавленной «О поездке Булгарина в Остзейские губернии», задачи, побудившие автора к «путешествию», изложены в следующем порядке: «1) Отвести больную жену к морским водам <...> 2) Окончить фамильные дела <...> 3) Отдохнуть от трудов механических по журналу и рассеяться <...> 4) Оживить описанием путешествия свои журналы» (Видок Фиглярин 1998: 170). Результатом этой поездки, наряду с другими ее следствиями, действительно стала пространная «Прогулка по Ливонии» (Северная пчела 1827: № 59–81) и позднейшие «отрывки» из нее, публиковавшиеся в той же газете. Характеризуя этот текст, современный исследователь справедливо отмечает данное в нем «историческое и этнографическое описание <...> региона» (Видок Фиглярин 1998: 170), что не отменяет общей установки Булгарина, цели которого и здесь были заведомо эклектичны, по-своему специфичны.

В русле нашей темы это означает, что возможно ввести в обиход, применительно к «литературным путешествиям» Булгарина, семиотическую категорию «текст»: как указывает В.Н. Топоров, говоря о Петербургском тексте, это «не просто усиливающее эффект зеркало города, но устройство, с помощью которого и совершается переход от реального к реальнейшему, пресуществление материальной реальности в духовные ценности», но при этом он «отчетливо сохраняет в себе следы своего внетекстового

субстрата и в свою очередь требует от своего потребителя умения восстанавливать <...> связи с внеположенным тексту, внетекстовым для каждого узла Петербургского текста» (Топоров 1995: 259). Приведенное замечание касается не только Петербургского текста – как показывают исследования латвийских ученых, «рижский текст», в основание которого положена Рига, ее «образ и смысл» (Kursīte, Sproģe, Cimdiņa 2008: 8) содержит богатый и перспективный для дальнейшего изучения материал.

Изначально Рига входила во внелитературный кругозор Булгарина – в 20–30-е годы он активно излагал в записках для III-го отделения суждения «о духе жителей Остзейских провинций и Литвы» (Видок Фиглярин 1998: 178). По существу, здесь выстраивался «первичный» «рижский текст», его «узлы», по выражению В.Н. Топорова. Одновременно создавался аналог литературного «рижского текста». Важнейшими «узловыми» темами стали: гражданское общество, его состав и настроение разных слоев («чиновники и бюрократы», «высшие чиновники», «помещики», «часть жителей из купечества и дворян»); состояние торговли (в том числе, книжной), правосудия, просвещения; отношение к религии, государю, российской государственности (Видок Фиглярин 1998: 178–190).

Описание Риги, составляющее не меньше половины материала, вошедшего в его сочинение «Поездка из Лифляндии в Самогитию, чрез Курляндию, летом 1829 года (Письмо к Гречу)» – это еще одна огласовка узнаваемых реалий, занимающих автора, увиденных словно бы с близкого расстояния, но при этом производящих «цельно-единое» (Топоров 1995: 261) впечатление сверткестровой структуры. «Рижский текст» одновременно создается и в соответствии с конкретным политическим и социально-экономическим содержанием момента (предмет внимания Булгарина), и с его неизменными универсальными составляющими, которые должны включить обозреваемый город не только в сферу общественных отношений, но и в историю существования человечества.

Представление Риги читателю начинается с конкретного эпизода – посещения путешественником «знаменитой» «Ивановской ярмарки, продолжающейся три недели от Иванова дня, т.е. от 24-го Июня». Рассказ вводит читателя в подробности обстановки этого действия: «В ограде кафедральной церкви Лютеранского исповедания (Dom), среди города, устроены в несколько линий красивые балаганы, с довольно широкими переходами; кроме того, товары разложены по длинным коридорам обширного здания, бывшего некогда Католическим монастырем, соединенного с церковью. Из ограды должно переходить в коридоры через самую церковь, которая всегда отворена» (Булгарин 1829а). Далее следует расширение «рижского текста» типичным для автора способом аналогий – как заметил Булгарин в другом своем путешествии: «Всё это *может быть*, а где нет верного, там позволено догадываться и судить по аналогии» (Булгарин 1835). Рассуждения путешественника не сухо публицистичны – скорее, они настраивают на тон душеполезной беседы: «Не вхожу в рассуждения

прилично ли превращать храм божий в торжище, но помню, что Спаситель повелел удалиться торговцам за ограды храма иерусалимского, как то видим из Евангелия. Это мысль родилась в голове моей в самом конце ярмарки, и я, осмотревшись кругом, вообразил, что на самом деле нахожусь в Иерусалиме».

План авторских рассуждений, реализуемый во взаимодействии с наличной жизненной конкретикой, – принцип, лежащий в основе организации «рижского текста», но у Булгарина «воображение» путешественника нередко колеблет баланс объективного и субъективного: «Улицы в городе Риге узкие и неправильные; дома высокие, никакой архитектуры; в каждом почти доме лавка, а над лавкою надпись или вывеска на Немецком и Еврейском языках; множество Евреев на улицах и в лавках, наконец, торжище возле храма и самый храм готический, необыкновенной высоты, – все это вместе сильно подействовало на мое воображение, которое перенесло меня в древность, на горы Сиона. Впрочем, все купеческие народы и города в древности и новые времена несколько похожи друг на друга. Аксиома: одни причины производят одни последствия. Первая причина торговли выгода – последствия известны» (Булгарин 1829а).

Данное замечание переводит беседу с читателем в новое русло – в план представлений о последствиях сугубо практических жизненных целей и понятий о выгоде не только для отдельного человека, но страны или города. «В торговых городах и народах обед или бал входит в торговый баланс, и должен принести проценты; ссуда есть также род оборота, который должен доставить выгоды, хотя бы капитал пропал невозвратно. Привыкнув к расчету, человек делается сам машиною, и торговые города обыкновенно населены подвижными счетами.

Музы никогда не жили в дружбе с Плутусом и Меркурием. Тир и Сидон, а после Карфаген, славившиеся в древнем мире как первые торговые города, не произвели ни одного великого Писателя и Художника».

Применяя эту закономерность к Риге, путешественник, следуя принятой логике, приходит к критической точке зрения: «Просвещенное дворянство не любит жить в Риге, где надлежало бы состязаться с миллионщиками. Купеческая аристократия водится между собою чинно и церемониально. Чиновники знают также между собою, и не имеют ни времени, ни средств предаваться наслаждениям. Все движение, вся жизнь в Риге есть впуск и выпуск товаров. Предмет разговоров: курс, цены и биржевые известия вообще. Есть исключения из правил, но их немного» (Булгарин 1829а).

Несмотря на то, что наблюдения и выводы путешественника подаются читателю как его собственное, только что сделанное открытие, они «прочитываются» уже в границах «рижского текста», начало которому было положено на рубеже XVIII–XIX веков (описания Риги Н. Крамзиным, Б. Пестелем (1798), О. Гуном (1804) и др.). Контуры «рижского текста», например, были намечены в работе Гуна «Топографическое описание

города Риги с присовокуплением врачебных наблюдений». Здесь выделены опорные пункты «текста», которые позднее на свой лад «оживит» Булгарин. По поводу «отсутствия» писателей в Риге у Гуна, в частности, сказано: «Здесь не занимаются сочинением книг <...>» (Гун 1804: 168).

Но у Гуна отсутствует риторика противопоставления друг другу словесности и торговли. У Булгарина этот прием, возможно, предполагает двойной эффект: заостряющий уже указанный контраст и одновременно позволяющий сказать, что далеко не чуждая путешественнику сфера практической деятельности, не рождая гениев, способствует распространению просвещения в массах. Критическая аттестация, таким образом, обнаруживает внутри себя позитивную сторону. Закономерно предположить: если задача булгаринских путешествий не сводилась к сугубо литературной, то важнее для автора было показать, как просвещение влияет на повседневный быт, облагораживает его, рождает «пламенный патриотизм», воспитывая взамен «писателей» гуманных людей.

На свой лад следуя за Гуном, Булгарин создает как бы «поверх» его сочинения свой «рижский текст». У Гуна: «<...> в прочем однако ж достаточные люди знатного и среднего состояния, также знатные и просвещенные особы в городе почитают за честь иметь у себя библиотеки, в коих находятся драгоценные собрания, касательно Лифляндской истории и вообще словесных наук в Лифляндии» (Гун 1804: 168). У Булгарина: «Кто здесь покупает Русские книги, которых и в самой России немного покупают? Чиновники Русские, офицеры, малое число Русских купцов и здешних дворян, которые долго служили в России и привыкли к Русскому языку. Вообще дворянство в Остзейских провинциях ныне весьма просвещенное, и если, по несчастию, большая часть не читает по-русски, то, по крайней мере, по переводам с Русского знает лучших наших Писателей. Случайно я познакомился с молодою девицею (фон Б... рг), которая из любви к Русскому языку изучилась оному, и читает все, что выходит у нас лучшего» (Булгарин 1829b).

Воспроизводя модель «рижского текста» с опорой на Гуна, Булгарин перенимает и ее компоненты. Их составляют: улицы с присущей им теснотой и одновременно – опрятностью; полиция и ее радение порядку; благотворительные заведения, существующие на пожертвования граждан; наличие учебных заведений, в их числе – университет; торговля и соотносимый с этой областью комплекс экономических проблем; правосудие и «земледельчество», доведенные, по мнению Булгарина, до «совершенства».

Вновь прибегая к риторическому ходу, путешественник заявляет, что не будет описывать Ригу и тем самым привлекает внимание к объекту, вызывая реакцию читателя и его правомерный вопрос – почему? «Я не стану описывать тебе, на этот раз, города Риги, существующего слишком 600 лет и знаменитого в Северной истории. Здесь весьма много древностей, достойных подробного описания; но для этого надобно более места, нежели сколько позволяют пределы письма с дороги». Пробудив в читателе

сожаление о несостоявшемся «путешествии», путешественник спешит развеять разочарование подробным рассказом о Риге:

«Местоположение города живописно со стороны обширной Двины. Большие корабли подходят с товарами к самому плавучему мосту, и, останавливаясь кормами по обеим сторонам оною, составляют прелестнейшую в мире улицу на гибельной стихии. Вид с этого моста на город, на форштаты и в море – единственный. Древний замок Лифляндских Гермейстеров возвышается с своими башнями на берегу, и высокие шпицы готических храмов, возносящихся к небу из громады красных крышек, представляют великолепное зрелище. С. Петербургский форштат, построенный вновь после сожжения оною, в 1812 году, есть почти особый город в новом вкусе, с широкими улицами и красивыми домами правильной архитектуры.

Нельзя довольно надивиться чистоте в городе Риге, при столь тесных улицах и домах без дворов, или с такими дворами, что едва можно на них повернуться. Это должно отнести столько же к чести Полиции, сколько и к опрятности жителей. Без больших и ежедневных усилий почти невозможно было бы содержать в чистоте эту массу домов, построенных почти один на другом. Внутри еще чище, и хотя в убранстве домов нет такой роскоши, как в Петербурге, но чистота и прочность заменяют излишество, и мне гораздо более нравится.

<...> Ни в одном городе в целой Российской Империи, и вероятно ни в одном в Европе, нет столько благотворительных заведений для воспитания юношества, для призрения сирых и больных на счет города, как в Риге. Я имею описания сих заведений и исчисление сумм, пожертвованных городом и частными людьми на устройство и содержание оных. Великодушие купцов превосходит великое описание! <...> В Риге воздвигнуты первые памятники для увековечивания славы, приобретенной Россией в Отечественную войну. Противу замка воздвигнута колонна с приличными надписями; в конце Петербургского форштата находятся прочные и красивые триумфальные ворота. <...> Все дворяне и многие из купцов и среднего сословия служат Государю и Отечеству в военной и гражданской службе, служат с честью и отлично. Большая часть из них прежде кончат курс наук в Университете, или по крайней мере в высших учебных заведениях, и после уже поступают на службу».

Вывод сформулирован посредством аналогий, переходящих в перифраз: «Дерпт – есть Афины Ливонии, Рига – Карфаген Ливонского мира, Ревель – Спарта, Эстляндцы почти все воины по духу и воспитанию» (Булгарин 1829b).

В заключение отметим, что Булгарин, как бы между прочим, называет жанр своего сочинения – «письмо с дороги». Если эпистолярная форма, культивированная литературой XVIII века, была окружена эстетическим

ореолом, что учитывалось автором, то прибавление «с дороги» выводило ее из литературы в житейский план. На грани литературы и быта правомерно воспринимать и «литературные путешествия» Булгарина. Значение «рижского текста», представленного в разбираемом сочинении, не в достоверности – чтобы судить о ней (как это делает, путем анализа, Л.Н. Николаевна Киселева относительно «Прогулки по Ливонии» Булгарина (Киселева 2006)), необходимо специальное исследование историко-краеведческого характера. Вряд ли можно вести речь и об известных литературных достоинствах данного сочинения, исходя из того, что к беллетризации путевых заметок не стремился и сам Булгарин. По нашему мнению, ценность данного сочинения – в закреплении уже имевшего место в трудах историков и литераторов образа Риги через сведение воедино определяющих его бытовых и символических признаков. Представление этих свойств как бы в двойном освещении – сквозь присущую многим и принадлежащую только путешественнику призмы созерцания действительности – формирует понятие «рижский текст», отвечающее запросам эпохи и ее представителей, среди которых «привыкший к туризму» Булгарин (Рейтблат 2016: 399).

Литература

- Банах, И.В. (2010). *Нарративная структура жанра путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.* Автореф. дис. <...> канд. филол. наук. Минск. 24 с.
- Булгарин, Ф.В. (1829а). Поездка из Лифляндии в Самогитию, чрез Курляндию, летом 1829 года (Письмо к Гречу). В: *Северная пчела*. № 103.
- Булгарин, Ф.В. (1829б). Поездка из Лифляндии в Самогитию, чрез Курляндию, летом 1829 года (Письмо к Гречу). В: *Северная пчела*. № 104.
- Булгарин, Ф.В. (1835). Путевые заметки на поездке из Дерпта в Белоруссию и обратно, весною 1835 года. В: *Северная пчела*. № 176.
- Видок Финлярин. *Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение*. (1998). Рейтблат, А.И. / Публ., сост., предисл. и коммент. Москва: Новое литературное обозрение.
- Гун, О. (1804). *Топографическое описание города Риги с присовокуплением врачебных наблюдений*. Ч. 1–2. Санкт-Петербург: Медицинская типография.
- Иванова, Н.В. (2010). *Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века (тематика, поэтика)*. Автореф. дис. <...> канд. филол. наук. Москва. 24 с.
- Киселева, Л.Н. (2006). История Ливонии под пером Ф.В. Булгарина. В: *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи*. В 2 ч. Тарту. Ч. 1. С. 114–127. Доступен на 24.01.2016: <http://ruthenia.ru/document/541934.html>
- Михайлов, В.А. (1999). *Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII–XIX веков*. Автореф. дис. <...> канд. филол. наук. Волгоград. 22 с.
- Рейтблат, А.И. (2016). Переписка Н.И. Греча и Ф.В. Булгарина. В: *Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант сысской полиции*. Статьи и материалы. Москва: Новое литературное обозрение. 632 с.

- Роботи, Т. (1926). Литература «путешествий». В: *Русская проза: Сборник статей*. Эйхенбаум, Б., Тынянов, Ю. / ред. Ленинград: Academia. С. 42–73.
- Топоров, В.Н. (1995). Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему). В: Топоров, В.Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического*. Избранное. Москва: Издательская группа «Прогресс» – «Культура». 624 с.
- Kursīte, J., Sprōģe, L., Cimdiņa, A. (2008). Рига: образ и смысл. В: *Rīgas teksts. Рижский текст. Сборник научных материалов и статей*. Рига: Latvijas Universitāte. 219 с.

Rīgas teksts F. Bulgarina ceļojuma aprakstā “Brauciens no Livonijas uz Samogitiju caur Kurzemi, 1829. gada vasara (vēstule Grečam)”

Rakstā aplūkota Rīgas teksta specifika maz pētītajā Fadeja Bulgarina ceļojuma aprakstā “Brauciens no Livonijas uz Samogitiju caur Kurzemi, 1829. gada vasara (vēstule Grečam)”. Raksta autore F. Bulgarina ceļojuma piezīmes pēta kā daudzfunkcionālu žanriski stilistisku veidojumu, atklājot Rīgas teksta producēšanas *mehānismu* (Vladimirs Toporovs). Rakstnieka ideja par apgaismības labvēlīgo ietekmi uz *Baltijas galvaspilsētas* materiālo dzīvi realizēta teksta struktūras un semantikas līmenī.

The “Riga text” in “A trip from Liflandia to Samogitia, through Courland, in the summer of 1829 (The Letter to Grech)” by F.V. Bulgarin

The article considers the specificity of the “Riga text” in the little-studied work “A trip from Liflandia to Samogitia, through Courland, in the summer of 1829 (The Letter to Grech)” by F.V. Bulgarin. The originality of the writer’s “travel notes” is analysed as a multifunctional genre-style formation combining publicistic and literary-fiction components. about the research reveals the existence of a “mechanism” that produces a movement from “the real to the real” (V. Toporov), which contributes to the application of the semiotic category “text” to the “travel” of Bulgarin. It is determined that the premises for the introduction of this work in scientific life are productive in terms of highlighting the “Riga text” in it, possessing the typical for the literary consciousness of the eighteenth and nineteenth centuries complex of features. The accentuation of the geopolitical, trade-economic, cultural and educational aspects of the “Riga text” expresses Bulgarin’s idea of the beneficial influence of education on the spiritual and material life of the “Baltic capital” within the culture of everyday life, which occupies a priority place in the author’s hierarchy of life values.